

ДЕПРЕССИЯ ЗИМЫ

Зима выключила компьютер и потянулась в офисном кресле. Два часа она заполняла отчетные таблицы за первый месяц работы. Забывала цифры в колонки: среднесуточная температура, количество осадков, толщина снежного покрова и прочие показатели, за которые она отвечала.

— Хоть бы секретаря дали, — вздохнула Зима. — Всё сама да сама.

Она с тоской посмотрела в окно, задвинула все ящики стола для порядка.

— Прошел только месяц работы, а уже хочется в отпуск, к морю. Противный Год! Распределил всех якобы поровну. Каждый работает три месяца. Только мне приходится то за Осень выходить, то за Весну. Первая хандрит часто, вторая простывает. Одна я без проблем. Вот и сейчас с середины ноября работаю. Хотя по календарю не мое время. Ладно. Год, конечно, платит за переработку. Но что мне делать с этими премиями? Если к морю не пускают... Да и люди... Люди мной постоянно

недовольны. А у меня нормы, между прочим! Я не сама придумываю морозы и метели. Хотя бы кому-то нужна была...

Зима выключила в офисе свет. Постояла немного в темноте, вглядываясь в городские огни за окном. Она вспомнила детскую забаву: если смотреть на огни прищурившись, то они словно расплющиваются. Так она любила играть, когда они с мамой возвращались домой по темноте. Зима делала глаза-щелки и любовалась игрой уличных фонарей и оконного света в домах. Она специально покачивала головой, от этого огни принимались танцевать. А еще такой же эффект появлялся от слез.

Сейчас Зима не щурилась. Перед глазами расплывались городские огни в пестрое мокрое полотно. Полотно дрожало и наконец полилось из глаз Зимы. Зима заплакала в голос.

*

— Эмоциональное выгорание на фоне...

Штатный синоптик пристально посмотрел в ухоженное лицо Зимы, окинул всю ее взглядом, заметил маникюр, пожал плечами.

— Эмоциональное выгорание, — диагностировал он без уточнений.

Больничный в этом случае не полагался, но на три дня разрешился свободный график. Это означало, что можно действовать по настроению. Устраивать снегопады в мае, дожди в декабре и другие погодные катаклизмы.

Три дня Зима плакала дождем со снегом, хмурила брови тучами, лежала без движения или сидела на крыше офисной высотки. Не помогло.

Вымотанный за эти три дня непредсказуемостью «пациентки» синоптик развел руками и прописал Зиме консультацию психолога. Скоро Новый год, дел у Зимы, что снега — выше крыши! А на нее хандра напала. Остается только к людям за помощью обратиться...

*

Психологом оказалась женщина средних лет. Глаза ее ничего не выражали. «Вот у кого выгорание», — подумала Зима и вздохнула. Женщина поежилась и потянулась за серым пиджаком, но рука ее остановилась в воздухе и вернулась на место.

«Было бы непрофессионально показать свой дискомфорт от клиента», — догадалась Зима.

— Прохладно тут у вас, — произнесла она вслух, обхватив себя руками за плечи, и села в кресло. Психолог еле заметно с облегчением вздохнула и надела-таки пиджак.

— Лиза, — представилась она и приготовилась слушать очередную историю чужого человека.

— Зима, — сказала тихо клиентка, а психолог отчего-то вздрогнула.

Последовала череда вступительных вопросов. Затем Зима описала свое состояние и, словно резюмируя, закончила рассказ:

— Год не отпускает меня в отпуск...

— Год? Это ваш начальник?

— Ну да, — Зима пожала синими плечами. — Год. — И добавила еле слышно: — Круглый.

— Я правильно вас услышала, во всем виноват ваш начальник?

— Получается так. — Зима прикрыла глаза, опустив белые ресницы. Она намеренно тормозила сеанс психотерапии, не хотела делиться сокровенным с этой женщиной. К тому же Зима знала все эти приемы: уход от ответа, наводящие вопросы, переспрашивание — всё, чтобы пациент сам говорил, сам искал причину и сам нашел. Ее почему-то это раздражало. Открыв глаза, Зима обнаружила, что Лиза пристально ее разглядывает.

— Приемлемо ли для вас сменить род деятельности?

— Нет, — отрезала Зима.

Лиза скользнула взглядом по стене за спиной Зимы.

«Смотрит на часы, — сразу догадалась Зима, — рабочий день-то кончается».

На столе зазвонил телефон.

— Да, мама, привет. Нет, подожди меня, я свожу тебя на прогулку. Сегодня скользко, мама. Пожалуйста, не выезжай сама, дождись меня. Да, варенец куплю. До вечера.

Белые ресницы Зимы встрепенулись: надо же, а она тоже живая. Ее кто-то ждет. Мама.

Лиза повернулась к монитору компьютера, набрала что-то на клавиатуре и, глядя на экран, сказала:

— Завтра погода хорошая. Повезу маму за город. Вы любите лес?

— Дааа... — неопределенно протянула Зима. Ее так поразила собственная мысль, что она воскликнула:

— Бедняжка Погода! Вот кто сама себе не хозяйка. И постоянно не в фаворе у людей. Да ну их, людей! А кем они довольны? Чем они довольны? Снег — плохо, чистить надо, ходить трудно. Дождь — плохо, мокнут, простывают. Жара — плохо, дайте тень. Тень — плохо, замерзли.

— Погода? Это ваша коллега?

— Да. Точнее, подчиненная. У Погоды целых четыре начальника. А какая она исполнительная! А как радуется, когда слышит с земли: «Повезло с погодой». Прямо светится солнцем или заходится радугой. А внизу еще больший восторг от этого. Как мало ей нужно...

— А вам? Вам много нужно?

— Мне нужно, чтобы меня любили, — просто сказала Зима.

Она больше не следила за поведением психолога, ей стало все равно, какие профессиональные уловки та использует.

— Мне кажется, вас любят... — осторожно произнесла Лиза. Высказывать свое мнение не входило в профессиональные обязанности опытного специалиста. Ну и что, сейчас ей хотелось быть женщиной, подругой. И она продолжила:

— Зимой Новый год. Мы с мамой очень любим этот праздник, готовиться начинаем задолго. Есть у нас такая причуда: в новогоднюю ночь мы с мамой едим мороженое! Каждой по целому ведерку. И обязательно с вареньем. Я люблю смородиновое, красивый темно-фиолетовый сироп и ягодки, ммм. А мама предпочитает с яблочным повидлом. Мы друг друга не понимаем. — Лиза рассмеялась. — Каждый год обязательно пробуем

друг у друга лакомство и не понимаем! Ну, согласитесь, как можно есть мороженое с густым повидлом сверху?! — психолог, вопрошающе улыбаясь, смотрела на Зиму.

— А я вообще не понимаю, зачем в мороженое что-то добавлять? Только портить. Я люблю сосульки. Знаете, такой замороженный сок. И ничего лишнего.

— А приходите к нам! Познакомлю вас с моей мамой, — предложила Лиза и вкратце объяснила, как найти их дом.

— Насчет прийти не обещаю, Новый год — это день рождения нашего начальника, он устраивает что-то грандиозное для коллектива. Но за приглашение спасибо.

Зима замолчала. Затем тихо добавила:

— Приятно.

— А расскажите, за что вы любите зиму?

Зима широко раскрыла глаза и даже заморгала, отчего с ресниц слетали белые пылинки.

— Ну, я... За что я люблю... — Зима не решалась закончить так странно звучащую фразу. Она поглубже села в кресло. Ей вдруг захотелось забраться на него с ногами. Несколько секунд она колебалась, но потом сбросила туфли, подняла ноги на мягкое сиденье, расправила длинное синее бархатное платье так, что оно прикрывало самые носочки, и обняла себя за колени. Улыбнулась от удовольствия.

— Со мной можно кататься на лыжах. О, этот запах мази для скольжения лыж: смесь дыма, кострового чая и бани. И заливать катки. Обожаю этот звук, когда точат коньки. А еще, когда какой-нибудь мальчишка закинет коньки за спину, пролезет через заборную дыру в парк и катается без спроса, без оглядки, до изнеможения. За белые пейзажи люблю. За узоры на окнах. Вот вы собрались завтра в лес. А зимой в лесу сказка! Сосны утеплили ветки пушистыми белыми шаялями. Иногда ветер устраивает вам холодный сухой душ — выигрывает тот, кто в капюшоне. Если повезет, между деревьями в солнечном просвете можно подсмотреть танец снежинок. Ветки сосен, как дети, разыгравшись, сбрасывают одежды. Снег спускается на землю облачным столбом. В солнечных лучах он как будто кружится. В детстве я всегда старалась обнять этот столб, а он щедро осыпал меня блестками.

А как приятно укутывать землю. Укрывать снегом корешки, чтобы им тепло, чтобы до следующей весны живы-здоровы.

Психолог кивала и улыбалась. Она представляла себе картины, которые так живо описывает Зима, и отмечала, как та увлеклась, как не разграничивает то, что любит сама и то, за что ее любят другие. Слово одно без другого немислимо.

— Полностью разделяю ваш восторг, — произнесла Лиза. — Зима — очень красивое время года, я считаю, необходимое. Хотите, встретимся завтра?

Лиза поставила сумочку на стол и оглядела его, прикидывая, что ей нужно забрать домой.

— Так как?

— Да. Только я без записи. Я умею приходить неожиданно и не вовремя. Но вы же меня примете? — Зима испытующе смотрела на психолога.

— Да, — ответила Лиза, спокойно встретив взгляд. — Только если я не в отпуске.

Обе рассмеялись.

Зима с Лизой вышли на улицу. Воздух был влажным. Красногрудые снегири хохлились на березе. Небо на горизонте темнело и словно спускалось на землю. Зима глянула вверх идохнула морозом.

— Завтра утром полюбуетесь на плоды своей работы, — загадочно сказала она спутнице.

Ночью Зима подморозила воздух. Влага преобразовалась в кристаллики льда. Иней покрыл деревья, превратив ветки в белые кораллы.

Зима прогуливалась с утра и любовалась своим творением. Небо слепило синевой. Проходя мимо дома психолога, она решила заглянуть в окно. Небольшой частный дом с дымящейся печной трубой в старой части города выглядел экзотично, но среди обступавших его берез и рябин смотрелся очень уютно. Зима вошла в калитку и, подойдя к дому, заглянула в окошко.

Лиза расчесывала пожилую женщину и что-то ей говорила. Та сидела в кресле-каталке и смотрела в окно прямо на Зиму.

«Мама», — поняла Зима.

Женщина мягко улыбалась, глаза ее выражали печаль и любовь. Лиза ловким движением вставила гребень и еще раз провела расческой по седым волосам. Женщина поймала руку дочери и поцеловала ее. Лиза подкатила кресло к окну. Мать и дочь с восхищением и нежностью смотрели во двор на окружающую красоту. Смотрели прямо на Зиму и сквозь нее.

*

В начале марта Зима-таки отправилась в отпуск. Сделала себе подарок — тур к морю. Долгожданное, такое желанное море. Карское. А там и Северный Ледовитый. Родной.

ЖЕМЧУЖНАЯ СЕРЕЖКА

Мой дед внешне не отличался сентиментальностью. Но внутри! Я замечала нежность в его голосе в те минуты, когда он общался с маленькими детьми. Увлажненные прозрачной дымкой глаза — когда вспоминал молодость, походы с рюкзаком, костровые истории.

Все мы, внуки, прошли через его большие ладони. Ладони морщинились, грубели, покрывались мозолями. А мы выросли, мозолями покрывались наши души и становились непроницаемы для безыскусных, немногословных дедовских ласк. С такими взрослыми дед нежничать не умел.

В тот год мы припозднились с осенними посадками. Привезли откуда-то саженцы уже по первому снегу. Дед взялся их высаживать, копал для лунок обветренную первым холодом землю. Работал неспешно. Переворачивал и разбивал лопатой каждый ком земли, выбирая заодно попадавшие веточки и стеклышки. Наклонившись за очередным корешком сорняка, он заметил маленький перламутровый шарик. Поднял, вытер о куртку, обдул — золотая сережка с жемчужиной! Дед держал ее на ладони. Белый когда-то шарик потемнел, но сохранил перламутровые переливы. Сережка была раскрыта, дужка оттопырена, отверстие застежки забито землей.

Положив локоть на лопату, в распахнувшейся куртке, с покрасневшим от первых ли заморозков или от физической работы лицом дед застыл в воспоминаниях.

Года три-четыре назад он вернулся от внука и, не встретив нашу бабушку дома, пошел искать ее в огороде. Увидел ее ползающей на коленях по грядкам. Она ощупывала руками поверхность земли.

— Дорогуша-бабуша, вот ты где. Я пришел, тебя нет. А ты что это делаешь?

— Я сережку потеряла... Жемчужную. — Бабушка подняла заплаканное лицо. — Они у меня любимые...

— Будут новые! — Дед сел перед ней на корточки.

— Я эти хочу. Мне их мама подарила! На нашу свадьбу. — Она вытирала щеки руками, слезы смешивались с землей, пачкая лицо.

— Будут новые, — повторил дед, убирая с ее лица волосы и целуя влажные глаза. — Купим, какие захочешь.

— Мама сказала, чтобы я их берегла, они дорогие. И счастливые.

— О, милаша моя... Так и попросим в магазине, дайте, нам, мол, самые счастливые сережки. И дорогие. Пусть.

Дед вздохнул, возвращаясь в настоящее.

— Старый я дурче. Так и не купил. Прости, бабуша.

Он отнес лопату в сарай. Переоделся в «парадно-выходное» пальто, коротко сказал: «Можете высаживать. Полить не забудьте». И вышел из дома. Как у всех закаленных жизнью пенсионеров, у деда значились сбережения на черный день. Раньше они старательно прятались в шкафу между стопками постельного белья. Теперь — покоились на сберкнижке. Позитивная психология, утверждающая, что, откладывая на черный день, люди превращают свои дни в серые, здесь уважительно смолкала. Мой дед натерпелся, питаясь картофельными очистками в военные годы, в послевоенные — похоронив мать и не дождавшись с фронта отца. Поэтому ему можно. Можно бояться черных дней, можно делать запасы «на случай».

Он зашел в сберкассу, снял деньги и отправился в ювелирный магазин. Единственный ему известный и, пожалуй, старейший

в городе — «Рубин». Показал пальцем на золотые сережки под стеклянной витриной. Молоденькая продавщица стала нахваливать выбор, предлагать коробочку круглую, квадратную, в форме сердечка. Но дед смотрел на женщину с недоумением. Та замолчала, отбила чек. Мой несентиментальный дед зажал золотые дужки в руке. Так в кулаке и принес их бабушке. Протянул и разжал ладонь: «Твои, жемчужные». Бабушка смотрела на него одобрительно и ласково с выцветшей фотографии на чуть покосившемся памятнике.